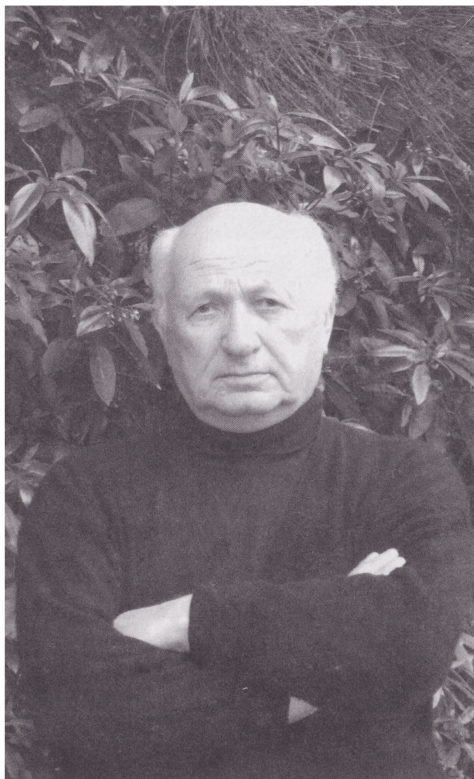

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

Юрий Михайлик

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ТЕРРА»
КНИЖНЫЙ КЛУБ

**Звезда
морей**

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

Издается с 1925 года

ЮРИЙ МИХАЙЛИК

ЗВЕЗДА МОРЕЙ

Издательский дом «Огонек» — «Терра—Книжный клуб»
Москва — 2008

ОБ АВТОРЕ

Писать о Юрии Михайлике просто и сложно. Просто прежде всего потому, что любой его читающий ощутит: перед ним настоящая, глубокая и нежная русская поэзия. Читатель понимает, что перед ним человек выросший и живущий у моря. И действительно, Михайлик родом из Одессы, до писательства был и моряком, и геологом, и журналистом. А сложно потому, что до обидного тих и неслышен его голос в хоре сегодняшней нашей поэзии. Может быть потому, что живет Юрий далеко — занесла его жизнь в Австралию. Счастье там быть единственным русскоязычным поэтом никак не компенсирует оторванности от среды, от друзей и сегодняшней литературы. Хотя по последнему поводу могут быть разные мнения, может быть и хорошо. При советской власти опубликоваться в «Библиотечке «Огонька» было мечтой любого поэта, очень хотелось этого и Юрию Михайлику. К сожалению, не всегда качество прозы и поэзии определяло в те времена выбор авторов популярной серии. А сегодня нам ничего не мешает познакомить читателей с близким и далеким от него поэтом — Юрием Михайликом.

Виктор Лошак

*Уважаемые читатели!
Ваши отзывы и предложения отправляйте по адресу
bibl@kkterra.ru*

© Издательский дом «Огонек», 2008

* * *

Неукротимое движенье
волны, ее тугой разгиб
обречены на поражение —
взметнулся, рухнул и погиб.
Но час за часом снова тщатся
седые пращурь строки,
как будто можно достучаться
в третичные известняки,
как будто вовсе нет границы
пространству, воле и тоске,
как будто может сохраниться
написанное на песке...
О, Господи! — под облаками,
под чуждой бездной голубой
веками, слышите, веками
выкатываться на убой,
ни йоты, ни единой ноты
не оставляя про запас...
Все против нас. И небо против,
Но море все еще за нас.

* * *

В Гамале все погибли, кроме двух сестер Филиппа.
Во время тройной зачистки их не смогли найти.
Гамала относилась к городам крепостного типа —
осаждающим трудно ворваться, осажденным нельзя уйти.
С трех сторон — высокие стены, а с четвертой — гребень обрыва,
нависший над черной прорвой, куда страшно даже смотреть.
Около пяти тысяч жителей (пока еще были живы)
бросились в эту пропасть, предпочитая легкую смерть.
С ними были деньги и вещи. Довольно странный обычай...

Спускаться туда трудно, выбираться еще трудней.
Но кое-кто из солдатиков все же вернулся с добычей,
и некоторые предметы сохранились до наших дней.
Хронист, описавший все это, был горек, сух и спокоен.
Он пришел туда с победителями, в одних цепях, налегке.
До того, как попасть в плен, он был храбрый и стойкий воин
и командовал гарнизоном в небольшом городке.
Потом их загнали в пещеры и обложили туго,
и когда между смертью и рабством им пришлось выбирать,
они после долгих споров поклялись, что убьют друг друга.
Он остался последним. И он не стал умирать.
Он писал превосходные книги, он улыбался славе,
его любили красавицы — у него удалась судьба.
В наши дни он известен нам как Иосиф Флавий.
Флавий — это имя хозяина. А Иосиф — имя раба.
Мы обязаны памятью предателям и мародерам.
Мы обязаны сладостью горьким всходам земли.
Мы обязаны жизнью двум девочкам — тем, которым
удалось спрятаться так, что их не нашли.

* * *

В сиднейском порту
с туристами на борту
«Федор Достоевский» поправлял такелаж,
пытаясь который год,
как писатель и пароход,
заработать немного денег и вписаться в пейзаж.

Как известно, морской туризм —
лучший отдых. Этот трюизм
пламенел в предвечернем небе между банком и казино,
как намек господам окрест
о наличии в мире мест,
где со времени Валтазара все расчислено и учтено.

В том числе и число кают.
На борту небогатый люд,
развлекаясь уже на трапе, поднимает вселенский хай.
Лихорадочен их расчет:

деньги плачены, время течет,
промедленье идет в убыток — отдыхай.

Между тем и закат погас,
насладившись в который раз
доказательством — чем в действительности озабочена
красота, —
цветом неба и облаков,
уточнением завитков,
а спасением этого мира совершенно не занята.

Ночью порт — водоем, проем
между бытом и бытием,
невозможность существованья врозь и вместе — бетон, волна...
Гомон города. Гул. Галдеж.
Жадной жизни тугая дрожь.
Но за темною полоскою только звезды и тишина.

Тот, который все отберет,
отпусти на пятак вперед,
запиши за мной в океане мой должок на недолгий срок.
Жизнь простительна, ибо в ней
столько отмелей и камней,
подплываешь — сплошные пальмы, приглядишься — опять острог.

Бедный гений, игрок, пророк,
порт приписки — Владивосток,
не успел на Вторую речку доходить и сходить с ума.
Но Австралия и сама
есть английская Кольма,
где двенадцать месяцев лето, остальное уже — зима.

Каторжанин всегда готов —
словно цепь, подобрав швартов,
разворачивается «Достоевский». Срок отмотан, а дело — швах.
Три буксира — конвой? Эскорт?
С верхних палуб орет народ.
То-то граждане погуляют на коралловых островах.

Над тяжелой темной водой
с белой пенною бородой
уплывает Федор Михалыч.
Звезды светятся впереди.
Завтра снова рассвет, прогресс.
Бог не выдаст, свинья не съест.
А униженных и оскорбленных,
где ни плавай, все пруд пруди.

Вот и эта толпа бесноватых,
жрущих, пляшущих в мегаваттах,
уплывающий в мирозданье танцевальный салон...
Но когда он уйдет из виду,
звезды боли и звезды обиды
на ночной взойдут небосклон.

Двухнедельный — вроде побега,
семипалубный — вроде ковчега,
и горящий, как после набега, город — зарево за спиной.
Полный жалости рай для бедных
прет во мрак, укрывая беглых
неземною, нездешней тьмой.

Горький синтез любви и стыда,
вероятно, уже никогда
не разъять. Что тут зря примеряться?
Ибо жизнь — это боль, а не цель,
как писала Сараскина Эль,
дискутируя с Гэ Померанцем.

* * *

Ничем мы не лучше прочих за столом или на столе,
Но за нами придет шаланда, а не ладья Харона,
Чтоб, откачнувшись на веслах, угадать в густеющей мгле
Знакомый берег Отрады, зеленый склон Ланжерона.

Еще там витает над дачными крышами танго или тангó,
Запинаясь над куполами соборов и над каланчой пожарной,

Еще там клянутся в любви и верности на воровском аргю
И ветерок пролетает, пришептывая, как говорок базарный.

Но о том и речь, что о черных лодках на золотой слюде,
Но о том и речь, что наши красавицы могли быть куда капризней,
Но о том и речь, что любви и юности не существует нигде, —
Нигде кроме нашей памяти, нигде, кроме наших жизней.

Дальний город залег над морем, изогнувшись подобьем змеи,
Выползая из собственной кожи, как прелестница из оборок,
А то, что сияло, дышало, пело, — стало сухими ошметками чешуи,
Уносимой ветрами во все пределы до мировых задворок.

Налегай на весла, вглядывайся во тьму — дымный берег еще горбат.
Мы ушли не сегодня, мы устарели прежде, чем постарели.
Но там, над шарами и плитами, взлетает стремительный акробат —
Мой веселый друг, загорелый, как дьявол, уже в апреле.

ВАЛЬС

Я прислушаюсь, дрогну, пойму — и с ума сойду,
ибо это играет оркестр в городском саду.
Над зеленой, холеной, над стриженою травой
это жизнь моя, кажется, кружится вниз головой.
В центре города, в парке, в огнях с четырех сторон,
в черных фраках и бабочках, будто бы слет ворон,
и, послушная палочке, кружится на траве
сумасшедшая нищенка с перьями в голове.
Просто музыка в праздничный вечер — и все дела.
Это надо же, господи, все-таки догнала.
Через три континента над прозеленью морской
долетела, нашла и качается вниз башкой.
Да какое мне дело? Подумаешь — наплевать.
Это девочка пела, учившая танцевать.
И старуха, приплясывая, видит наискосок
сумасшедшего нищего, плачущего под вальсок.

* * *

Вы, конечно, правы, Андрияша, Второй крестовый поход, в сущности, был обречен еще до его начала. Дело вовсе не в глупости возглавлявших его господ и не в том, что стратегия или тактика подкачала, Все куда серьезней. Когда вы ведете взгляд по рядам готовых сражаться за освобождение Гроба Господня, вы должны отобрать себе хороших солдат — то есть именно тех, кого ждет преисподня. Тех, кто, глядя на крест, узнает рукоять меча, кто не срежет в бою с убитого ни золотых, ни медных побрякушек — лишь кратким взглядом их отличает, — чтоб не сдохнуть на месте среди полчищ жадных и бедных. Тех, кто лепит на рану смесь плесени и земли, кто милосердно втыкает нож в горло побратимам неисцелимым... И когда наконец-то покажется город вдали, чем бы он трижды ни был, он будет Иерусалимом. Крестовый поход праведников закончится в первом бою, даже если их, праведных, удалось бы собрать для похода. Даже если бы их убедили оставить семью, даже если бы их оторвали от любимого огорода. Что с них, господи, толку? Какой от них, к дьяволу, прок? Разве что вклад в развитие медицины... Так что если уж нужно вести солдат на Восток, отбирать следует тех, от кого побегут сарацины. И тогда выясняется, что не получится ни черта даже с самым лучшим войском. Ничего, кроме сущего вздора. Какой же Господь допустит, чтобы святые места освобождали убийцы, насильники и мародеры? Невозможность, Андрияша, добру оставаться добром заставляет верить, что зло еще обратится в благо, что, когда утихнут пожар, бесчинство, погром, из них образуются благородство, мужество и отвага. Все придут на молебен. Черные губы солдат будут двигаться в молитвенном ритме — таков обычай... Что это был за город? Молебен. Затем парад. А уж после парада справедливый дележ добычи.

93-Й ГОД

Перспективы русского верлибра,
видимо, зависят от калибра
пушек на московских мостовых.
Батареи на прямой наводке,
в сущности, работают на водке,
что само собой рифмует стих.
Артналет — дискуссия по-русски.
Требованье также и закуски
губит государственный бюджет.
Любопытствуя, глазеет масса.
Путь фугаса, как полет Пегаса,
короток. Разрыв — и ваших нет.
Ваших нет. И наших. Очевидцы
так и не смогли договориться
о числе погибших. Этот спор
следует считать весьма серьезным,
коль, начавшись при Иване Грозном,
он не прерывался до сих пор.
Кстати и о рифме — эти узы
немцы (а затем уже французы)
при царе-антихристе Петре
нам преподнесли. Боян бо вещей
знать не знал о выдумке зловещей,
растекаясь мыслью по заре.
Танки бьют. И снайперы стреляют.
Чуть в сторонке граждане гуляют.
Чья берет — никто не разберет.
Но процесс, как сказано когда-то,
много интересней результата,
результат известен наперед.
Как обычно в сложные моменты,
гаубица в виде аргумента
предпочтительней, чем автомат.
И еще докажут эрудиты
то, что победившие бандиты
лучше побежденных во сто крат.
Все давно срифмовано втугую,

строчка за собой ведет другую,
юшка и краюшка — пополам —
неизбежно вписывают драку
в строгий контур плаца и барака —
вышки, словно рифмы, по углам.
Если же процесс стихосложенья
мыслить как движенье напряженья,
то энергетический объем,
посланный толчком воображенья,
тоже вызывает поражение,
поражая, так сказать, живьем.
Вечереет. Тучки кучевые.
Молнии летают шаровые.
Воют волки. Снег валит в глуши,
примирая моды на свободы
и с натурой в качестве природы,
и с натурой в качестве души.
И к утру порядок образцовый
на Сенатской, или на Дворцовой,
иль на Пресне... Гильзы сметены.
Солнце. Речка. Водка вся допита.
Ветерок. Убитые убиты.
Главное, чтоб не было войны.

* * *

Ливни и грозы сопутствуют мартовским идам
(если гонять родной календарь по чужим орбитам),
что объясняется близостью Антарктиды
к этим краям, позаброшенным и позабытым.

Ибо, достигнув известных пределов, айсберги тают —
гибельны теплые воды белым громадам.
Айсберги тают, и испаряются, и улетают.
И через тысячу верст выпадают градом.

Мятые крыши автомобилей заморской марки,
сбитые наземь телеантенны и апельсины...
Что ж ты, беспамятный, выпал и гибнешь в марте,
в мокрой траве, — холодный, маленький, синий?

Как тебя жалко, сиротку, в погибельном виде,
нету ни счастья, ни доли у малых сечений.
Раз ледяной — так живи себе в Антарктиде,
не уплывай по влеченью теплых течений.

Айсбергам трудно в начале марта (как и тиранам)
не заплывать далеко за пределы боли.
Март наступает опять. И снова пора нам
в южных морях. А уж в северных и тем боле.

* * *

На ледяных палубах, падающих из-под ног,
прижимающий губы к дудочке уже не так одинок.

Те, кто попрыгал в шлюпки, отталкиваются рывком.
Угадавший вторую ноту, помещается в ней целиком.

Мелодия, возникая, оказывается старей
всех кораблекрушений и даже самих морей.

Вопрос чистоты звучанья особо важен, когда
в пассажирские помещения начинает поступать вода.

Как вовремя было пошучено, ближайшая к нам земля —
в полутора километрах под килем корабля.

А та земля, или эта, иль попросту рыбий рай —
умеешь дудеть в дудочку? — сиди себе и играй.

Может быть, дело в мужестве и в том, кто чему учен,
а может быть, дело в музыке и больше уже ни в чем.

* * *

Из тех, кто помнил мой город, остался лишь я один.
А было людей в моем городе, словно в банке сардин.
Теперь они где попало — в раю и в чужом краю,
Наверно, плавают в масле. И я черт-те где стою.
Будущее на лысынах предписано дуракам —
Посредине пустыня, заросли по бокам.
Дымный ветер гуляет в чахлах пучках седин.

Их тех, кто помнил мой город, остался лишь я один.
Никто не знает, что строит, тем паче граф Воронцов,
Воткнувший в татарский берег тьму пионерских дворцов,
Где будущие поэтессы, хитрюги себе на уме,
Нетерпеливых поэтов отталкивают во тьме.
Купеческое барокко, левантийская грязь и спесь...
Но каолин и сера — это опасная смесь.
И берег рушится в воду с хрустом арктических льдин.
Из тех, кто помнил мой город, остался лишь я один.
Его больше нет над морем. Он сгинул вместе со мной.
А когда-то в его колоннадах качался июльский зной,
И все дрожало и плыло, предсказывая пейзаж,
Где сам ты — лишь очертанье, жажда, жара, мираж.
Отсутствующий виновен. Отрезанное болит.
Прошлое в настоящее врезается как болид.
И тогда сдвигаются плиты, и в дыру посреди миров
Летят бульвары и скверы, фонтаны бедных дворов.
Паутиной прибрежных тропок, колеблемой зыбью мостов
Мой всплывающий город прошепчет мне: будь готов...
Давно готов — я отвечу на тихий призыв его.
Из тех, кто помнит мой город, больше нет никого.

* * *

Вот и разжались железные когти дракона,
смогло шипение, адское пламя погасло.
Вот и обрушились крепости Иерихона —
как и записано было — от трубного гласа.
И на руинах, где мертвые сраму не имут,
пляшут живые — все бешеной, все бесшабашней.
Зубы дракона втопчи в эти почву и климат —
сами собою воздвигнутся стены и башни.
Брат, не изведавший ни мятежа, ни побега,
дымное празднество ноздри твои раздувает.
Как ни приплясывай, это не наша победа, —
слава те, Господи, наших побед не бывает.
Ближе к рассвету пойдет ликование на убыль,
встанут посты, повинуюсь коротким приказам,
кто-то поднимет из пепла пылающий уголь
и поведет по толпе немигающим глазом.

1989

* * *

В небеса улетает, неспешен,
легкий праздник воздушных шаров,
словно россыпь июльских черешен
на задворках фонтанских дворов.

Что поделаешь? — проще простого
набирать разноцветный петит,
отпуская по буковке в слово:
только пальцы разжал — и летит.

Что поделаешь? — круче крутого,
в лоскутах, как шатер кочевой,
уцененного неба обнова
простирается над головой.

Как тогда, как всегда, как впервые,
напоследок в пустой водоем
на разрыв улетают живые,
если их отпускают живьем.

И уходят по тайным теченьям,
распорядок и строй изменя,
чтоб заветное слово кочевья
ты узнала уже без меня.

* * *

Мы убыли, мы выбыли —
какая благодать.
Ни убыли, ни прибыли
уже не угадать.
Мы ахнули, как с горочки,
в отвал, в провал, во тьму.
И терочки-разборочки
нам ваши ни к чему.
В другие полушария
мы вышли из игры
в коллекции, в гербарии,
на кончике иглы.

По низкой траектории
мы вышли из пике
в неведомой истории
на чуждом языке.
Мы выбыли, мы убыли —
какая благодать...
Ни прибыли, ни убыли
уже не угадать.
И лишь одно созвездие
из памяти живой,
как позднее возмездие,
висит над головой.

* * *

От центра города до пригородов бетонных,
набравший скорость на коротенькой прямой,
трамвай раскачивает сонных и полусонных
на тонких нитках между кладбищем и тюрьмой.

И в такт покачиваясь, всплывают помимо взгляда
в двойное зеркало вагонного окна
стена тюремная, кладбищенская ограда,
и беспокойная конвойная луна.

И в такт покачиваясь, ты можешь избрать любое —
налево временно, направо уже навек.
А что досталось нам от нежности и любви,
так это, видимо, считается за побег.

И в такт покачиваясь, единственная дорога,
как ни извилиста, а все приведет сюда —
к двум тонким ниточкам от острога до Бога,
до окончательного приговора суда.

Сирень бушует над кладбищенскою оградой,
в колючей проволоке стены тюремной излом.
Прости нас, Господи. А миловать нас не надо.
Все с нами правильно. Все будет нам поделом.

ЦЫГАНСКИЙ ВАЛЬС

Птицы заснули, замерли кони,
звезды застыли в темной реке.
Все, что я прятал в левой ладони,
ты прочитала не по руке.
Красные угли разворошила,
припорошила пеглом седым,
и зашептала, заморозила
в белое пламя, в розовый дым.

То ли угрозой, то ли рыданьем,
то ли насмешкой — как в полусне —
древним, опасным, черным гаданьем
ты ворожила мне на огне:
— Вольному воля, сильному сила,
верному вера, а жизнь молодым... —
И замолчала, как погасила
белое пламя, розовый дым.

Кони заржали, птицы запели,
солнце с луною в небе сошлось.
Сердце любило, годы летели,
что позабылось, что не сбылось.
Где угадали, где прогадали,
где пропадали — не углядим,
но над годами, как над садами, —
белое пламя, розовый дым.

* * *

Ночь не спросит. Утро не ответит.
Ветер провожал нас — ветер встретит.
Жемчуг мелок, да и супчик редок.
Улыбнись подруге напоследок.

Улыбнись подруге, ей досталась
Кочевая поздняя усталость.
С моря тянет ветром незнакомым,
Ветер пахнет дымом, а не домом.

Словно от привала до привала,
Нам судьба колоду тасовала.
Там в колоде обещаний много,
А сбылась лишь дальняя дорога.

Поклонись дороге — ты свободен.
Нет на свете ни одной из родин.
А уж от чужбины до чужбины
Что тебе все пальмы и рябины...

* * *

Всемогущ, вездесущ и всеведущ,
он ушедшим по снежному следу
дал надежду, а силы не дал.
И всходило над тундрой светило,
и рассеянным оком следило —
это он в микроскоп наблюдал.

Подходил стариковской походкой,
протирает свою линзу бархоткой,
потому что мутнело стекло.
Там внизу, забеленные снегом,
эти рты, обращенные к небу,
все еще выдыхали тепло.

* * *

Прощай, — на теплых плитах синеватых,
прощай, — по краю моря моего,
прощай, — уже не сыщешь виноватых,
прощай, — я знаю только одного.

Прощай, — не наклоняйся к изголовью,
прощай, — не откликайся, не зови,
прощай, — и то, что не было любовью,
прощай, — неотличимо от любви.

Прощай, — плывет над берегом туманным,
прощай, — дымок печали и стыда,
прощай, — засыпан пеплом Геркуланум,
прощай, — он сохранится навсегда.
Прощай.

* * *

Нам досталась такая страна,
Что она и беда, и вина —
Лет по триста любим разговорам.
Да и птице, видать, не впервой
Убеждать вологодский конвой —
Я не мельник, я ворон...

Эту землю, как Книгу из книг,
Сочинял не монах, но ледник,
Русла завтрашних рек нацарапав,
Валунами утыкав гряды
Вдоль пути в Золотую Орду
От Хвальнска и вниз на Саратов.

На широтах сумы и тюрьмы
Государство страшнее зимы,
Все декабрьские бунты — гусарство.
Но как дунет пурга по земле —
Эти несколько дней в феврале
Пострашней государства.

Нам досталась такая страна,
Где наивно рассчитывать на
Правоту и рассудок.
С ней легко голодать-холодать,
Но когда низойдет благодать,
С ней не выжить и суток.

Соплеменник, изменник, беглец,
Ты не мельник, и я не кузнец,
Что ж нам снятся под пальмами юга
Тьма да вьюга, да снежный завал,
Что мороз намолол и сковал
Близ полярного круга.

* * *

И вдруг возник жасмин, таившийся в саду,
упрятанный в углу, ушедший на задворки,

и лишь за эту ночь свой запах сладко-горький,
свой лепестковый цвет представивший суду.

Гляди теперь, вдыхай — ты зван на торжество,
за май и за июнь сто раз прошедший мимо,
как будто вправду есть задворки для жасмина
и кто-нибудь посмел не помнить про него.

Но этот нежный цвет — он нестерпим для глаз.
Ликующий в саду дурман почти несносен.
И так четыре дня. А прочее — без нас.
Не спрашивая нас. Как мы у вас не спросим.

* * *

Четвертый раз полоумный жасмин
Расцвел в этом году.
Вероятно, то, что случилось с ним,
Вам не стоит иметь в виду.

Дерзкий запах безумья — зима не зима —
Наплывает, дразнит, растет.
И самую возможность сойти с ума
Вам не следует брать в расчет.

Ибо сущее создано вам под стать
И грядущее — про запас.
Океан, чтобы плыть, небеса, чтоб летать,
И земля, чтоб насытить вас.

И когда вы поймете, что мир прост,
И доступен, и объясним,
Над зеленым берегом в полный рост
В пятый раз полыхнет жасмин.

ПАМЯТИ КСАНЫ ДОБРЮБСКОЙ

Назад, во времена, когда она, грассируя,
кричит тебе: привет — распахивая дверь
и возникая в ней — не то чтобы красивая —
сияющая вся, как некому теперь.

Там за ее спиной слоистый дым нетающий,
лабораторный спирт, разбавленный на треть,
странноприимный дом, прибежище, пристанище,
как некуда потом, как некуда и впредь.

Там за ее спиной пророчащих и спорящих,
хохочущих в дыму, в единственном дому,
слетевшихся на свет полуночное сборище,
как больше никогда, как больше ни к кому.

Останется лишь то, что навсегда отнимется,
не сбудется лишь то, что всем нам поделом.
Ей умирать одной — она была любимицей.
Ей замерзать во тьме — она была теплом.

Никто не знает дня, покуда счетчик щелкает,
но, если вправду есть дверь, за которой свет, —
там девочка стоит с мальчишескою челкою
и, рассыпая «р», кричит тебе: привет.

* * *

Звезда морей — из серого песчаника
часовенка над горечью морской.
Изгнанника укрыть, утешить странника,
страдальцу и скитальцу дать покой.
Но там, вдали, над черными проливами,
над лежбищем погибших кораблей,
над ржавыми, пустыми, молчаливыми
она еще горит, звезда морей.
Она летит над стылými фиордами,
над островами ледяных полей,
над временем, когда мы были гордыми,

над беспощадной юностью моей.
И в поздний час прощального безмолвия
она одна проводит нас домой
над темными сомкнувшимися волнами
уже не за кормой, а над кормой.
Холодные подводные течения,
забвения последняя печать.
Нам никогда не вымолить прощения.
Нас в этом море некому прощать.

* * *

Когда б ты мог родиться заново
на сколько там осталось дней...
И море пред тобой — Тасманово,
и город за спиной — Сидней.
И неба дымчатая патина,
случайная в твоей судьбе,
и нет земли доброжелательней
и снисходительней к тебе.
Когда б ты мог в иной гармонии,
в ином краю, в чужом раю,
коротким поводком иронии
удерживая жизнь свою,
весенним утром — здешней осенью —
завидя парус за окном,
не приставать к нему с расспросами —
что кинул он в краю родном.

* * *

Жизнь была холодна и нежна.
Дом в саду, как забытый скворешник,
где тяжелую ветку черешни
можно было достать из окна.
Старый дом, нежилое жилье,
все трещало, скрипело и пело,
но в шкафу ты повесить успела
развеселое платье свое.
Полупразднество-полувокзал,
и прибой в трех шагах под обрывом

ночью грохал по каменным глыбам,
а под утро совсем исчезал.
Там, уткнувшись в песок головой,
поутру мы лежали с тобою,
принесенные этим прибоем
вместе с черной морской травой.
Жизнь случайна была и слепа,
и точнее, чем горький рассудок,
штриховой карандашный рисунок
невзначай повторяла судьба.
Мы вернемся по старой тропе,
скрипнет дверь, и окно распахнется,
и тяжелая ветка качнется,
и согнется навстречу тебе.

* * *

По белой, по режущей кромке залива
прошел осторожно меж битого льда
безлюдный буксир под названьем « Счастливый ».
Зачем их, счастливых, пускают сюда ?

Как будто бы чьим-то властительным взглядом
на этих продрогших, сошедших с ума
мы тоже допущены в некий порядок,
где берег как берег, зима как зима,

где склоны расчерчены черным и белым,
где море недвижно, а небо темно
и наше присутствие в этих пределах
хотя и сомнительно, но учтено.

Пред этим морозным и грозным покоем,
под темной небесной отвесной стеной
всего-то и счастья — коснуться рукою
своей ледяною твоей ледяной.

* * *

Низколобым динго, молодым и поджарым,
пожилым крокодиллом — по ноздри в болото...

Если один переезд равен двум пожарам,
что говорить о бегстве посредством Аэрофлота?

Граждане пассажиры, улепетывая над миром
в жестяной летающей миске с дымком пригоревшей каши,
будьте особо внимательны при полете к озонным дырам,
ибо одна из них — ваша.

Уже не имеет значенья — упасть орлом или решкой,
затягивая на чемоданах обвязку из мертвых петель.
Мания грандиоза — полагать себя головешкой.
Это падает пепел.

На варварийской латыни, на эмигрантской фене,
граждане погорельцы, выпускники вулкана,
не рассказать — откуда прилетает железный Феникс
через два океана.

Смена судьбы, полушарья, эпохи, времен года,
климата, звездного неба — всего лишь билет в аэробус,
пахнущий керосином. Когда найдете работу,
купите другой глобус.

Во глубине дыры, в бессоннице, в загранице,
посреди шестой телесерии сновидений для бедных
возникают помехи — идет на посадку птица
регулярного рейса из бездны в бездну.

* * *

Пророчество как занятие не обещает выгод.
Шейные позвонки пророков слабы не по годам.
Полезней выпиливать лобзиком, здоровее ушами двигать.
Ибо сказано — мне отмщенье, и аз воздам.

Воздаяние обеспечивается явлением резонанса.
Ненароком брошенный камушек, возвращаясь, влечет обвал.
То ли физика так решила, то ли дьявол лично занялся,
но тот, кто назвал неведомое, тем самым его позвал.

И хотя по слову и вере любому, коптящему небо,
возвращается втрое и всемеро в этом и в том мирах,
но в момент, когда происходит перераспределение гнева,
попадает отдельно растущим на возвышенностях и в горах.

* * *

А и вправду не на кого пенять,
ибо в зеркале те же знакомые лица,
голос времени силящийся понять,
не умеющий понимать продавщицу,
переспрашивающий, для десятка яиц
не имеющий ни кулька, ни сетки,
ты и сам лишь одно из знакомых лиц
все того же фасона, и тот же редкий
дар из сказанного в простоте
не усваивать ни единого слова,
все твои либерте и фратерните —
ерунда прогив высказанного толково
пожеланья идти тебе и идти,
одобрительно встреченного в магазине,
а всего-то и дел — купи, заплати
и исчезни, как не было и в помине,
что ж ты жмешься у стойки, мычишь в ответ,
когда нужно рывкнуть или покорно смыться
и, вернувшись, услышать из толщи лет
голос времени, взвизгивающий, как продавщица.

* * *

Мы встали рано. У окна
ворочался прибор.
Его волна была темна
полночной темнотой.
Дул теплый ветер. На плите
веселый чай кипел.
И чей-то голос в темноте,
захлебываясь, пел:
— Однажды в сентябре
на утренней заре
мы вышли в путь,

мы вышли в путь
однажды в сентябре.

Ты все глядела на меня
и слушала рассвет.
Казалось, что такого дня
мы ждали много лет.
Туман пластался над водой,
гасил прибрежный гул,
но чей-то голос молодой
звенел на берегу:
— Однажды в сентябре
на утренней заре
мы вышли в путь,
мы вышли в путь
однажды в сентябре.

Мы молча встали и ушли
короткою тропой
туда, где краешек земли
облизывал прибой,
мы шли в туман руке к руке,
угадывая след,
и мальчик пел невдалеке,
и брезжил слабый свет.
Однажды в сентябре
на утренней заре —
я так любил тебя тогда —
однажды в сентябре.

* * *

Рифмуется все, что угодно,
любая из рифм хороша,
пока молода и свободна,
легка и беспечна душа.

Не знает она, не гадает,
какие придут времена,
сама по себе совпадает
с дыханием мира она.

Наивным шальным озареньем
присвоив неведомый ритм,
не знает законов паренья,
а просто парит и парит.

* * *

Что вдалеке горит
на узелке дорог?
Это страна коррид,
город Кривой Рог,
где из чужой строки
стадом, гуртом, гурьбой
ржавых мостов быки
гонятся за тобой.
Каменная руда,
дымные облака,
поздние поезда,
огненный глаз быка,
вязкая западня
складов, мостов, застав,
вырвавшись из огня,
падает в ночь состав.
Взрежет метеорит
небо наискосок.
Что вдалеке горит
на узелке дорог?
Дальних Кассиопей
рдеющий уголек
там посреди степей
в бурой золе залег.
Тот, кто раскинул сеть
и подсчитал улов,
знает, что эта твердь —
сумма прямых углов.
В марганцевый песок,
бурый от всех кровей,
падать наискосок —
что еще есть кривей?
Где, в стороне какой

память мотнет башкой,
чтобы вогнать в бок
город Кривой Рог...

* * *

С раскосыми и жадными очами...

А. Блок

Самодельного плаката
простота и красота —
К морю Черному покато
наклоненная плита,
Там над ней пожар бушует,
и от красного клинка
в море катится буржуя
отсеченная башка.

А внизу, под круглой датой,
посреди Татарбунар, —
молодой, шальной, поддатый
комсомольский семинар,
споры, сборы, звон гитары,
лабуда, белиберда,
пыль, ковыль, Татарбунары,
Едигейская Орда.

И за песней Мариулы
от степных солончаков
долетают дальним гулом
стук подков да звон клинков.
Едигейская Орда,
все ребята хоть куда,
Едигейские отряды
занимали города.

И пошла орда наметом,
а уж кто там, и кого там,
и за что там — свой не свой
поперек пути не стой.

Что тут есть на белом свете?
Только топот, только ветер,
да добыча на возах,
только марево,
да гарево,
да зарево в глазах.

Киммерийская дорога,
пыль густа и горяча.
Всей науки тут немного:
налетел — рубай сплеча.
Сабли остры, дело просто —
подровнять народ по росту,
Тем, кто выше колеса,
не прожить и полчаса.

Ах, разбойная повадка,
козырной блатной утар,
под ребро, по рукоятку —
и пошел плясать пожар,
а под музыку пожара
жизнь — полушка, кровь — руда.
Пыль, ковыль, Татарбунары,
Едигейская орда.

Настежь дверь. Вошел без стука
всенародный комиссар.
Мене, сука, текел, сука,
фарес, сука, — написал.
Эта падла Валтазар
нам ответит за базар.

Ночь. Налет. Собаки лают.
Весь народ добра желает.
Где б ни начался погром —
это лезут за добром.
Как сказал один умелый
расторопный корешок —
на пожаре перво дело
не ведерко, а мешок.

Ах, бандитские понятия,
воровские общаки...
Что поделать — люди — братья,
плюс братишки, плюс братки.
И опять дележ наваря —
города, края, стада...
Пыль. Ковыль. Татарбунары.
Едигейская Орда.

Неба красная понева.
Гарь да ветер по земле.
Оброненная подкова
приржавела в ковыле.
Может, месяц. Может, год.
Может, лет пятьсот-шестьсот.

* * *

Если выпало в империи родиться,
лучше жить в глухой провинции, у моря.

И. Бродский

Да, в провинции, у моря, в отдаленье,
не у Белого, на острове Мудьюге,
не на каторжном Охотском поселенье,
а у теплого, у Черного, на юге.
Да в империи, на юге, в эмпирее,
где от солнца, как от бабелевской прозы,
смуглы девушки, лукавы брадобреи
и томительны июльские стрекозы.
Да, на юге, где под жарким небосводом,
отрицающим движенье и усилье,
пахнет йодом, пахнет сероводородом
и припахивает прелостью и гнилью.
На окраине, на выгоревших склонах,
на границе, а еще точней — на пляже,
где натаскана отыскивать влюбленных
похотливая полуночная стража.
Да, в провинции, у моря, в отдаленье,
да, в империи, на юге, в эмпирее,

тут и жили мы в четвертом поколенье
на краю своей родной Гипербореи.
Плюс четырнадцать, как крепость разливного
виноградного, так среднегодовая
образуется везеньем в подкидного,
летний выигрыш зимою продувая.

* * *

Увы! — как вздохнул, улыбнувшись, Сократ,
лицо древнегреческой национальности,
на собственной шкуре познавший сто крат
давление неотвратимой банальности
пред тем, как закончить свой опыт земной
цикутой, отравой, лесной беленой.

Не нам с мудрецами равняться судьбой,
и наша циркачка, слепая и сирая,
летит над эклипстикой с левой резьбой,
уже оступаясь, еще балансируя,
оставив секунду на выдох — увы! —
поскольку и нам не сносить головы.

* * *

И ночь легка, и жизнь долга,
и — руку протяни —
зажгутся белые снега,
веселые огни,
и грянет праздником в лицо
январский календарь.
Но пароходик прокричал —
и кончился январь.

И каждый раз, как первый час,
и будет так всегда,
пока раскачивают нас
надежда и беда,
покуда с левой стороны
пульсирует кристалл...
Но пароходик прокричал —
и дождик перестал.

Так что ж ты делаешь со мной
у жизни на краю,
какой еще платить ценой
за музыку твою?
Продлись, любовь, не уходи,
побудь последний раз.
Но пароходик прокричал —
и сразу свет погас.

Там в темноте морской причал,
и там который год
кричит, как птица, по ночам
бессонный пароход.
Еще годок, еще гудок,
опомнись, жизнь моя,
на посошок еще глоток
вишневого питья.

* * *

Спи, любимая. Так хороша
долгожданная наша свобода.
Неспроста на гудок теплохода
откликалась печалью душа.
Спи, любимая. Так коротка,
так спокойна заря над волнами,
и не ветер проходит над нами —
только нежность несет облака.
Открывается берег вдали,
в над ним высоко, как в мираже,
эти старые горы на страже
засыпающей бедной земли.
Спи, родная, за эти года
то, что было и мной и тобою,
стало просто одною судьбою,
неразъемной уже навсегда.
Спи, родная, в полночную тьму
погружается берег прекрасный.
То, чему эти горы подвластны,
неподвластно уже ничему.

* * *

Мимо грядок, оградок, ларьков, пионерлагерей,
мимо редких дверей в нескончаемом дачном заборе,
мимо пыльных акаций на каменных плитах — скорей! —
и откроется море.

Чаша Черного моря под куполом светлых небес —
голубое, зеленое, серое, сизо-стальное.
Что ты помнил о счастье, пока тебя не было здесь?
Что ты знал о просторе, о воле, о медленном зное?

Понт Эвксинский, таласса, кипенье и пенье веков,
колотящихся в берег, как память его и забвенье,
и гряда горизонта под дальней грядой облаков
долгожданной любви, и внезапней любви, и мгновенней.

Что ты помнил о счастье? Но горькая эта вода
будет в берег стучать и стучать до урочного часа,
чтоб откликнулось сердце и ты воротился сюда.
И откроется море — дыханье, сиянье, таласса.

Юрий Михайлик
Звезда морей

Руководители проекта *В. Лошак, С. Кондратов*
Редактор *К. Мкртчян*
Художественный редактор *Е. Поляков*
Корректор *И. Яковенко*
Компьютерная верстка *В. Круглова*

Подписано в печать 29.08.08 г.
Формат 70х108^{1/32}. Бумага газетная.
Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная.
Тираж 48 000 экз. Заказ № 0808970.

ТЕРРА—Книжный клуб.
127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Народная библиотека «Огонька»

С 1 июля в каждом отделении Почты
открыта подписка на следующие издания:

Универсальный словарь: В 4 томах	1390 р.	Кассиль А. Собрание сочинений: В 5 томах	1400 р.
Большая Энциклопедия «Терра»: В 62 томах	74400 р.	Колетт С.-Г. Собрание сочинений: В 7 томах	1274 р.
Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: В 86 полутомах	68000 р.	Кристи А. Собрание сочинений: В 13 томах	1885 р.
Популярная Энциклопедия: В 20 томах	6200 р.	Манн Т. Собрание сочинений: В 8 томах	2240 р.
Детская Энциклопедия: В 10 томах	4620 р.	Мериме П. Собрание сочинений: В 5 томах	1250 р.
Энциклопедия «Великий час океанов»: В 5 томах	2250 р.	Монтень М. Опыты: В 3 книгах	890 р.
Андерсен Х.-К. Собрание сочинений: В 4 томах	1520 р.	Моруа А. Собрание сочинений: В 10 томах	2580 р.
Библиотека античной литературы: В 10 томах	3200 р.	Песков В. Сочинения: В 9 томах	2520 р.
Блок А. Собрание сочинений: В 6 томах	1280 р.	Похлебкин В. Сочинения: В 6 томах	1450 р.
Бунин И. Собрание сочинений: В 9 томах	1830 р.	Родари Дж. Собрание сочинений: В 4 томах	1220 р.
Буссенар А. Собрание сочинений: В 10 томах	2710 р.	Софья де Сегюр. Собрание сочинений: В 5 томах	1275 р.
Волков А. Собрание сочинений: В 4 томах	860 р.	Соловьев Вс. Собрание сочинений: В 9 томах	2080 р.
Гарт Б. Собрание сочинений: В 6 томах	1560 р.	Тэффи. Собрание сочинений: В 5 томах	905 р.
Герцен А. Избранные произведения: В 5 томах	1255 р.	Уэдсли О. Собрание сочинений: В 6 томах	1308 р.
Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 томах	1610 р.	Флеминг Я. Собрание сочинений: В 7 томах	1540 р.
Гранин Д. Собрание сочинений: В 5 томах	1075 р.	Фолкнер У. Собрание сочинений: В 6 томах	1194 р.
Грин А. Собрание сочинений: В 6 томах	1242 р.	Хаггард Г. Р. Собрание сочинений: В 12 томах	2880 р.
Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 20 томах	4200 р.	Чарская Л. Собрание сочинений: В 5 томах	910 р.
Долгополов И. Мастера и шедевры: В 6 томах	1500 р.	Чуковский К. Собрание сочинений: В 5 томах	1025 р.
Ефремов И. Собрание сочинений: В 8 томах	2160 р.	Ян В. Собрание сочинений: В 5 томах	1310 р.